

A romantic close-up photograph of a young man and woman. The man, on the left, has dark hair and a light beard, wearing a blue denim shirt. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing a brown lace-trimmed top. They are facing each other, nearly touching lips, with their eyes closed. The background is a soft, out-of-focus grey.

Роман Тихонов

Страница 47

18+

Роман Тихонов

Страница 47

<https://litres.ru/74006043>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ева живёт тихой жизнью в своём книжном магазине. Её мир — запах старых страниц, джаз по вечерам и полное одиночество. Одиночество, к которому она привыкла и которое считает безопасным.

Всё меняется, когда на квартиру над магазином въезжает новый сосед — хоккейная звезда Матвей, привыкший к громким тусовкам, случайным девушкам и циничным правилам «честной сделки». Их первая встреча — война за тишину. Но постепенно Ева понимает, что за маской brutального спортсмена скрывается человек, который так же боится пустоты, как и она.

Роман Тихонов

Страница 47

Ева любила это время суток больше всего на свете.

Восемь вечера. Магазин «Под стеклом» уже закрыт для посетителей, но она ещё не ушла. Жёлтый свет торшера с бахромой падал на дубовую стойку, за которой её бабушка когда-то принимала деньги за тома Булгакова и Цветаевой. За окном моросил октябрьский дождь — бесконечный, уютный, как старая пластинка. Ева сидела в своём кресле (только ей разрешалось его мять), держала в руках потрёпанный экземпляр «Десяти негритят» и пила кофе из кружки с трещиной — любимой кружки, потому что трещина напоминала ей карту звёздного неба.

В магазине пахло деревом, пылью веков и ванилью — свечи она зажигала всегда, когда оставалась одна. Тишина. Только шорох страниц, тиканье настенных часов в виде ко-та, да лёгкое постукивание капель по стеклу.

Ей было двадцать шесть. Спокойно. Размеренно. У неё был ритуал: в девять она выключает музыку (сейчас играл Билл Эванс, пианист, которого её бабушка называла «мальчишкой, который гладит клавиши»), в половине шестого пересчитывает выручку, в шесть запирает дверь и поднимается в свою маленькую квартиру этажом выше. Спать она ложилась с книгой. Всегда с книгой.

Она не искала приключений. Приключения, как ей казалось, лежали на полках, между переплётками. Там, где можно было пережить сто жизней, не выходя из кресла.

Сегодня был пятница. А пятница — особенный вечер. Она разрешала себе дорогое печенье с шоколадом и перечитывала любимые сцены. Сейчас она как раз дошла до того момента, когда мисс Марпл говорит: *«Молодые люди так уверены, что они бессмертны»*. Ева усмехнулась. Она никогда не чувствовала себя бессмертной. Она чувствовала себя хрупкой, как та самая кружка с трещиной.

А потом земля дрогнула.

Нет, сначала — просто звук. Как будто кто-то сбросил холодильник на пол. Глухой, низкий удар, от которого жалобно звякнули стёкла в витрине. Ева замерла, не донеся кружку до губ.

— Что за... — прошептала она.

Сверху, прямо над её головой, где последние три месяца пустовала двухкомнатная квартира, послышались шаги. Тяжёлые. Мужские. Несколько пар. А затем — музыка. Даже не музыка. Это был бас, чистый, плотный, такой, что он не входил в уши — он входил в грудную клетку. Пульсировал в рёбрах.

Ева медленно подняла голову к потолку. На старом дереве, прямо над отделом детективов, осыпалась маленькая поделка.

— Нет, — сказала она тихо. — Пожалуйста, нет.

Но «нет» не сработало. Музыка стала громче. К ней добавился смех — женский, звонкий, явно не трезвый, и мужские голоса, перекрикивающие ритм. Кто-то топнул ногой — раз, два, три. Словно отбивал ритм.

Ева поставила кружку на стол. Корица дрожала на поверхности кофе мелкой рябью.

Она знала, что квартиру сдали. Видела объявление в окне риелтора на прошлой неделе. «Сдаётся просторное жильё в центре, подходит для семейной пары или творческой личности». Творческая личность, значит. Ева тогда ещё подумала: «Ну вот, наконец-то кто-то нормальный». Днём она видела, как грузчики заносили какие-то коробки. Не мебель — коробки. И чёрные кейсы. Длинные, странной формы.

Восемь пятнадцать вечера. Её святая святых. Её час тишины. И какой-то незнакомец с ногами-колоннами решил, что здесь будет дискотека.

Она подождала пятнадцать минут. Может, это просто новоселье? Может, через час всё стихнет? Но музыка не стихала. Бас пульсировал. С полки в отделе поэзии упала тонкая книжечка Ахматовой — та самая, в серой обложке. Ева вздрогнула, словно её ударили.

— Всё, — сказала она, вставая. — Хватит.

Она сняла очки, протёрла их майкой (нервная привычка), надела снова. Накинула кардиган — тот самый, мягкий, цвета мха, который бабушка связала десять лет назад. Взяла ключи, хотя дверь наверх не запиралась — старый дом, ста-

рые порядки.

Лестница была тёмной. Лампочка на втором этаже перегорела ещё в прошлом году, и управляющая компания обещала «рассмотреть вопрос». Ева поднималась медленно, считая ступеньки. Пятнадцать. Шестнадцать. Семнадцать. На площадке пахло табаком — дорогим, с оттенком вишни, и чем-то сладким.

Дверь в квартиру № 7 была приоткрыта.

Ева подумала: «Это плохая идея». Но её ноги уже не слушались. Она постучала — три коротких стука, вежливых, как учила бабушка.

Никто не услышал.

Тогда она толкнула дверь.

В коридоре было полутемно, но музыка била прямо в лицо. «Billie Eilish?» — удивилась Ева. Она ожидала рэп или тяжёлый рок, а тут... тягучий, опасный шёпот. Посреди коридора стоял мужчина в кепке задом наперёд, лет тридцати, с бородой, которая, казалось, жила своей жизнью. Он держал банку пива и смотрел на Еву с таким выражением, будто она была привидением.

— Ты кто? — спросил он, перекрикивая музыку. — Секс-доставка? Проходи, не стесняйся.

У Евы загорелись уши. Она ненавидела такие шутки. Она не умела на них отвечать — никогда не умела. В школе её дразнили «библиотечной крысой», и она просто отворачивалась.

Но сегодня, почему-то, внутри неё что-то щёлкнуло.

— Я ваша соседка снизу, — сказала она громко и чётко.

— У меня книжный магазин. Через полчаса я должна лечь спать, и ваши... вибрации мне мешают.

— Вибрации? — амбал заржал. — Слышь, парни, тут тётя с вибрациями!

Из гостиной выглянул ещё один парень — в худе, с татуировкой на шее. Потом ещё двое. И, он.

Он вышел из кухни — или из спальни — Ева не поняла. Вышел, и пространство вокруг него вдруг стало другим. Будто все эти разрозненные люди, пиво, дым и музыка выстроились в линию, смотря на него.

Он был выше всех. Даже выше амбала с бородой. Широкие плечи обтягивала белая футболка, дешёвая, наверное, из масс-маркета, но на нём она сидела так, будто сшита на заказ. Волосы — тёмные, чуть влажные, как после душа, кое-где завивались на концах. И глаза. Даже в полумраке Ева увидела, какие у него глаза — светлые, почти прозрачные, с ленивой усмешкой, которая, как ей показалось, адресовалась всему миру, а не конкретно ей.

Он жевал кусочек пиццы? Или яблоко? Во рту что-то хрустело. Он смотрел на Еву сверху вниз, и в этом взгляде не было ничего злого — скорее удивлённое любопытство. Как будто в его холодильник залез ёжик.

— Магазин? — переспросил он, прожёвывая. — Продаёшь что?

— Книги, — ответила Ева. Ей не нравилось, что голос дрожит. — Там буквы, истории. Возможно, вы слышали о таком?

Он приблизился. Один шаг. Два. Теперь он стоял так близко, что Ева видела маленький шрам над левой бровью, и родинку возле губ, и то, как кадык движется, когда он проглатывает еду. Он опёрся рукой о косяк над её головой — жест, который кто-то счёл бы угрожающим, кто-то — кокетливым. Ева решила, что он просто не знает, куда деть свои огромные руки.

— Слушай, книжка, — сказал он. Голос у него оказался низкий, с хрипотцой. Не прокуренный — уставший. Как у человека, который слишком много кричал. — Я на сезон снял эту... халупу. Чтобы отдохнуть. Отдых для меня выглядит так.

Он кивнул в сторону гостиной. Ева заглянула туда: диван, заваленный подушками, столик на колёсиках, на нём — бутылки, лёд в ведёрке, какой-то парень пытался подбросить шайбу на клюшке и каждый раз ронял. Шайба стучалась об пол — глухо, с металлическим звоном. Удар. Отскок. Удар.

— Завтра в восемь утра я открываюсь, — сказала Ева, чувствуя, как внутри неё поднимается волна — не злости даже, а какой-то древней, выстраданной ярости. — Если не будет тишины, я вызову полицию.

Хоккеист (а в том, что он хоккеист, сомнений не осталось) хмыкнул.

— Полицию, — повторил он, растягивая слово. — Серьёзно?

— И не только, — Ева сделала шаг вперёд — в его сторону. Она не знала, откуда это взялось. Обычно она отступала. Сжималась. А сейчас — нет. — Я подружусь с прессой. Ваши друзья, кажется, уже сливают что-то в соцсети? — она кивнула на парня с телефоном, который снимал происходящее. — "Звезда хоккея мучает бедную букинистку" — хороший заголовок? Или "Ночные тусовки над магазином старинных книг"?

На секунду ей показалось, что она перегнула. Глаза хоккеиста сузились. Челюсть сжалась. Он смотрел на неё так, будто решал — вышвырнуть её вон или...

И вдруг он улыбнулся.

Не той ленивой, снисходительной улыбкой, что была раньше. А настоящей — с морщинками у глаз, с приоткрытым ртом, словно он увидел нечто невероятно забавное.

— Зубрила, — сказал он. — Ты серьёзно только что пригрозила мне желтой прессой из-за шума?

— Я серьёзно, — Ева выдержала взгляд. — У меня завтра встреча с оптовиками. Мне нужно выспаться.

Он сделал шаг назад, поднял руки — мол, сдаюсь.

— Окей. Окей. — Он повернулся к гостинной и гаркнул — так, что стёкла в коридоре зазвенели: — Сделайте тише!

Музыка упала ровно на два деления. Бас перестал вибрировать в груди.

— В одиннадцать утра у меня завтрак, — сказал он, снова глядя на Еву. — Приходи. Расскажешь, как там... книги выживают. И кофе принеси. У меня встроенная кофемашина, но я не умею ей пользоваться.

Ева открыла рот, чтобы ответить, что она не его личный бариста, но он уже развернулся и ушёл в гостиную, бросив на ходу:

— Дверь закрой, когда будешь уходить. Сквозняк.

Дверь закрылась сама — или Ева закрыла её, она не помнила. Она спустилась по тёмной лестнице, вошла в свой магазин, села в кресло и уставилась на кружку с остывшим кофе.

Внутри всё дрожало. Не от страха. От чего-то другого, чему она пока не могла подобрать названия.

Она взяла книгу, и поняла, что не помнит ни строчки из того, что прочитала за последний час.

Часы в виде кота показывали девять. Музыка сверху всё ещё играла — тише, но достаточно, чтобы слышать. Там смеялись. Там жили.

А Ева сидела в кресле и думала о том, как он сказал «зубрила». И о том, как дрогнул его голос, когда он попросил кофе.

— Чёрт, — прошептала она, закрывая лицо ладонями.

На потолке снова осыпалась маленькая побелка.

Ева не спала почти всю ночь.

Не потому, что наверху продолжали греметь — к часу но-

чи музыка стихла, голоса растворились, и только тяжёлые шаги хозяина звучали над её спальней до трёх утра. Кто-то ходил из угла в угол. Остановился. Снова пошёл. Как зверь в клетке.

Ева лежала под бабушкиным одеялом, смотрела в потолок и считала шаги. Сорок три. Остановка. Тишина. Сорок восемь. Остановка. Телефонный звонок — глухие обрывки фраз, слов она не разобрала. Потом звук падающего тела — тяжёлый, мягкий удар о диван. И всё.

Она уснула под утро, и приснилось ей странное: лёд. Огромный белый стадион, пустые трибуны, и она стоит в центре, босиком, в свитере с оленями. А по льду на коньках едет он — тот самый, с родинкой возле губ — и протягивает ей клюшку. «Давай, зубрила, — говорит он во сне. — Научим тебя играть».

Проснулась она за десять минут до будильника.

В шесть сорок пять утра дождь за окном всё ещё шёл, но уже не так сердито. Ева натянула джинсы, мягкий свитер (он был единственным, в котором она чувствовала себя защищённой), заварила кофе в турке — настоящий, с кардамоном, как любила бабушка. Потом остановилась.

— Зачем? — спросила она своё отражение в зеркале прихожей.

Отражение молчало. Но в глазах у него было что-то новое — какой-то дерзкий огонёк, которого Ева раньше не замечала.

Она взяла термокружку. Не ту, с трещиной — ту, новую, синюю, которую ей подарили на прошлое Рождество и которая так и лежала без дела. Налила кофе. Добавила немного корицы — для запаха. Потом, подумав, положила на блюдце два домашних печенья с шоколадной крошкой, которые пекла сама по субботам.

— Я просто вежливая соседка, — сказала она вслух, чтобы убедить себя. — Он попросил кофе. Я приношу кофе. И сразу ухожу.

Она поднялась наверх.

Утро в старом доме пахло мокрой штукатуркой и кошачьей мятой — где-то на лестничной клетке жил рыжий кот, которого все подкармливали. Дверь в квартиру № 7 сегодня была закрыта. Ева постучала. Тишина. Постучала громче.

Ничего.

Она уже почти развернулась, чтобы уйти, когда дверь резко открылась.

Перед ней стоял он. И вид у него был такой, будто его разбудили залпом из пушки — волосы торчат во все стороны, на щеке след от подушки, глаза покрасневшие, футболка мятая, штаны спортивные, сползшие на бедрах. И босиком.

— Ты чего в такую рань? — прохрипел он голосом, в котором гравия было больше, чем слов.

Ева подняла кружку.

— Вы назначили. Или вы не помните?

Он посмотрел на кружку, потом на неё, потом снова на

кружку. И на лице его медленно, как солнце из-за тучи, появилась та самая улыбка — уставшая, тёплая, от которой у Евы что-то сжалось в груди.

— Зубрила, — сказал он. — Ты серьёзно пришла. С печенем.

— Это для себя, — соврала Ева.

Он взял кружку. Пальцы у него были длинные, с обкусанными ногтями, и на указательном — старая мозоль. Он сделал глоток, не отрывая от неё глаз.

— Твою мать, — выдохнул он.

Ева напряглась.

— Вкусно? Или...

— Лучший кофе в моей жизни, — сказал он совершенно серьёзно. — Ты что туда положила? Кокаин?

— Кардамон, — Ева невольно улыбнулась. — И немного корицы. Это бабушкин рецепт.

— Бабушка у тебя умная женщина, — он отхлебнул ещё, шумно, по-мужски. — Заходи, что ли. Не стой в дверях.

Он отошёл вглубь коридора, и Ева, сама не зная зачем, переступила порог.

Квартира выглядела так, будто через неё прошёл ураган. Диваны сдвинуты, на полу — пустые бутылки, рассыпанные чипсы, чья-то футболка, забытая на батарее. В воздухе пахло табаком, вчерашней пищей и дорогим парфюмом, который пытался, но не мог перебить остальное.

— Прости за бардак, — сказал он, зевнув. — Уборщица

придет в понедельник.

— Сегодня суббота, — заметила Ева.

— Значит, потерпишь, — он плюхнулся на диван, жестом приглашая её сесть напротив, в кресло, заваленное какими-то бумагами.

Ева села. Бумаги оказались контрактами — на английском, с печатями, с цифрами, от которых у неё закружилась голова. Она аккуратно отложила их на пол.

— Ты так и не представился, — сказала она.

Он посмотрел на неё с притворным удивлением.

— Неужели не узнаёшь? Я, знаешь ли, довольно известный.

— Я не смотрю хоккей, — честно ответила Ева. — И телевизор у меня тоже есть... но там обычно «Игра престолов» или документалки про космос.

— Господи, — он схватился за сердце. — Ты меня убиваешь. Ладно. Матвей. Или просто Мэт. Кому как удобнее.

— Ева.

— Ева? — он приподнял бровь. — Как в Библии? Искушительница?

— Как в Библии, — сухо ответила она. — Только яблоками не торгую.

— А чем торгуешь?

— Книгами, — она кивнула в пол. — У тебя под ногами, кстати. Магазин «Под стеклом». Существует с 1978 года. Сначала моя бабушка, теперь я.

— И много там... посетителей? — спросил он, и в голосе не было насмешки — было искреннее любопытство.

— Достаточно, — Ева почувствовала, что защищается. — Не все любят шум и глянцевые обложки. Некоторые любят пахнуть пылью и находить на семьдесят пятой странице старый билет в кино.

Он замолчал. Смотрел на неё долго, изучающе, как рассматривают странную вещь в витрине — непонятно, зачем это нужно, но хочется потрогать.

— Ты странная, — вынес вердикт он.

— Я нормальная, — ответила Ева. — Это вы странные. В три часа ночи ходите по квартире, как маятник.

Он вздрогнул. Совсем чуть-чуть, но Ева заметила.

— Ты слышала?

— Я живу этажом ниже. У нас тонкие перекрытия. Я слышу, как ты чихаешь.

— Тогда ты знаешь, что я не сплю почти никогда, — сказал он, и на секунду его лицо стало чужим — не хоккейной звездой, не балагуром, а кем-то уставшим. Тем, кто ходит из угла в угол в три часа ночи.

Ева не знала, что на это ответить. Она откусила печенье — шоколадная крошка хрустнула на зубах.

— Почему? — спросила она тихо.

Он посмотрел в окно. Дождь размазывал по стеклу жёлтые кляксы уличных фонарей.

— Бессонница, — сказал он. — После травмы началось.

А потом привык. А потом... ну, знаешь, когда ты известный, у тебя нет права на слабость. Иначе сожрут.

Он взял второе печенье — даже не спросив разрешения. Ева не возражала.

— А травма была серьёзная? — спросила она.

— Сотрясение. — Он постучал себя по виску костяшками пальцев. — Вот тут. Два года назад. Три месяца темноты. Думал, всё, конец. Не кончилось. Но с тех пор ночами — как на иголках.

Он говорил это так легко, будто рассказывал, как поменял машину. Но Ева видела, как напряжены его плечи, как пальцы сжимают кружку.

— Ты поэтому снял квартиру здесь? — спросила она.

— Агент сказал: «Мэт, тебе нужно в тишину. Иначе сдохнешь». — Он усмехнулся. — Я думал, тишина — это скучно. А потом понял, что тишина — это страшно. Потому что в тишине слышно, как в голове орут голоса. Поэтому я позвал ребят. Поэтому музыка.

— Поэтому ты ходишь до трёх ночи, — закончила Ева.

— Поэтому я хожу до трёх ночи, — подтвердил он.

Они сидели молча. Дождь за окном усилился. Где-то на кухне капал кран — кап, кап, кап.

— Знаешь, — сказала Ева, вставая. — У меня в магазине есть одна книга. Про мальчика, который умел разговаривать с тишиной. Она зелёная, обложка потрёпанная. Если хочешь, я принесу.

Он поднял на неё глаза. И в этот момент Ева поняла, что он, наверное, никогда в жизни не смотрел на женщину так — не как на трофей, не как на поклонницу, не как на приключение на одну ночь. А как на человека, который видит тебя настоящего.

— Принеси, — сказал он тихо. — Только не сейчас. Я душ приму, приду в себя. Встретимся внизу. В твоём... «Под стеклом».

— Я открываюсь чуть позже, — сказала Ева.

— Значит, чуть позже, — он кивнул.

Ева пошла к двери. У порога обернулась.

— Матвей?

— М?

— В следующий раз, когда будешь ходить ночью, просто спустись. Я тоже иногда не сплю. Будем вместе тишину слушать.

Она вышла, закрыла за собой дверь, прислонилась спиной к холодной стене лестничной клетки и выдохнула.

Сердце колотилось так, будто она пробежала марафон. Или будто только что совершила самую большую глупость в своей тихой, спокойной жизни.

А сверху, из квартиры № 7, донеслось — едва слышно, через перекрытия:

— Ева? — Она замерла. — Спасибо за кофе.

Она не ответила. Но улыбнулась.

Магазин «Под стеклом» оживал по утрам медленно, как

старик, которому нужно время, чтобы разогнуть спину. Она включила лампы — не верхний свет, а те самые, бра с жёлтыми абажурами, которые бабушка покупала на блошином рынке. Запах старых страниц, льняного масла и сухоцвета наполнил комнату. Ева прошла вдоль стеллажей, поправляя корешки, — ритуал, который успокаивал её лучше любой медитации.

Сегодня не успокаивало.

Она ждала его. Злилась на себя за то, что ждёт. Проверила, стоит ли на кассе та самая зелёная книжка. Маленькое советское издание, на обложке — мальчик с закрытыми глазами и ветер в волосах. Ева купила её на развале десять лет назад, читала раз пять, но так никому и не отдала. Слишком личное.

В двенадцать десять дверь открылась.

Колокольчик над входом — старый медный колокольчик, который бабушка привезла из Праги — звякнул тонко и жалобно, словно предупреждая.

Матвей вошёл не так, как заходят в книжный магазин нормальные люди. Он вошёл, как заходят в раздевалку перед матчем — уверенно, бесшумно, сканируя пространство холодным взглядом. На нём была чёрная толстовка с капюшоном, джинсы, которые сидели так, будто их шили на заказ, и кроссовки, которых, Ева была уверена, не было в продаже в их городе. Волосы ещё влажные после душа. И от него пахло — не табаком и пищей, как утром, а чем-то древесным,

горьковатым, дорогим.

— Привет, зубрила, — сказал он, оглядываясь. — А у тебя тут... уютно. Как в склепе.

— Спасибо за комплимент, — Ева скрестила руки на груди, пряча волнение. — Чай? Кофе? Или сразу книгу?

— Кофе, — он прошёл к стойке, плюхнулся в её кресло, то самое, которое только она имела право мять. Уселся так, будто всегда здесь сидел, развалившись, закинув ногу на ногу. — Тот же, что утром. С кардамоном.

— Здесь нет кофемашины, — сказала Ева. — Только чайник и турка. Ждать десять минут.

— Жду, — он закрыл глаза, откинув голову на спинку.

Ева пошла в подсобку, где на старой электроплитке стояла медная турка — бабушкина, с потёртым боком. Насыпала кофе, кардамон, щепотку корицы. Ждала, когда появится пенка. И всё это время спиной чувствовала его взгляд — даже с закрытыми глазами, он смотрел. Или делал вид, что спит.

Когда она вернулась с кружкой, он уже бродил между стеллажами. Не читал названия — трогал. Проводил пальцами по корешкам, как по клавишам.

— Это всё бабушкино? — спросил он, не оборачиваясь.

— Большая часть, — Ева поставила кружку на стойку. — Некоторые книги мои. Фэнтези, детективы, немножко научной фантастики.

— А где то, что можно почитать нормальному мужику? —

он обернулся, усмехнувшись. — Без соплей и этих ваших... женских штук.

— Все книги в этом магазине — про людей, — сказала Ева. — А люди иногда плачут. Даже хоккеисты.

Он хмыкнул. Взял с полки «Старика и море» — тонкую, потрёпанную. Пролистал.

— Про рыбу, — констатировал он. — Ладно, хоть не про любовь.

— Ты против любви? — спросила Ева, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он захлопнул книгу, положил обратно на полку — не туда, где взял, а куда попало. Еву это кольнуло, но она промолчала.

— Любовь, — он произнёс это слово так, будто пробовал на вкус что-то испорченное. — Знаешь, сколько раз мне девушки говорили «я тебя люблю»? Раз сто. И все сто раз они хотели от меня одной и той же вещи.

— Чего?

— Внимания. Денег. Статуса. — Он подошёл ближе, опираясь плечом о стеллаж с детективами. — Ну и, конечно, секса. Но это я и сам могу дать. Без всякой любви. Потому что секс — это честная сделка. Ты даёшь телу то, что ему нужно. Любовь — это сделка с сомнительными условиями.

Ева молчала. Внутри неё поднималась волна — не гнева, нет, скорее горького разочарования. Она-то надеялась, что утренний разговор был началом чего-то настоящего, а ока-

залось — он просто играл. Или не играл, а проверял. Или говорил то, что привык говорить, потому что так было безопаснее.

— И поэтому ты не веришь в любовь? — спросила она тихо.

— Не в любовь, — поправил он. — В женщин. Вернее, в то, что от них можно получить что-то, кроме... — он сделал паузу, подбирая слово, — физиологии. Ты красивая, Ева. И умная, наверное. Но не надо путать мой интерес к тебе с чем-то высоким. Мне просто понравилось, как ты варишь кофе. И как стоишь в дверях с поднятой головой. Это возбуждает.

Он сказал это так спокойно, будто обсуждал погоду. Без агрессии, без пошлости. С каким-то ледяным спокойствием человека, который привык получать всё, что хочет, и не привык извиняться.

Ева почувствовала, как щёки заливаются краской — от стыда, от злости, от того, что в его словах была доля правды. Она ведь и правда нарядилась сегодня. И правда ждала. И правда взяла печенье не для себя.

— Понятно, — сказала она, взяв себя в руки. — Значит, ты из тех, кто видит в женщине только набор функций. Сварить кофе. Раздеться. Утешить. И не важно, как её зовут.

— Важно, — он улыбнулся, и улыбка была совсем не злой, а почти нежной — от этой нежности хотелось плакать. — Тебя зовут Ева. Я запомнил.

— Как мило, — она разжала пальцы, поняв, что сжимала

край стойки так, что побелели костяшки. — А теперь, Матвей, слушай меня.

Она вышла из-за стойки, встала перед ним на расстоянии вытянутой руки. Выше на неё он всё равно был на голову, но сейчас она чувствовала себя равной.

— В этом магазине нет ничего, что можно купить за славу. Я не сдаю квартиру, не продаю кофе и не оказываю услуг. Я продаю книги. Истории. А в этих историях люди не спят друг с другом просто потому, что им «возбуждающе» пахнет кофе. Они спят, когда чувствуют, что человек рядом — не функция, не тело, а целый мир. Ты, Матвей, похоже, никогда не встречал такого мира. Поэтому ты ходишь по ночам из угла в угол и не можешь уснуть.

Он перестал улыбаться.

— Ты не знаешь, почему я не сплю, — сказал он тихо.

— Знаю, — возразила Ева. — Потому что под подушкой у тебя не плюшевый мишка, а пустота. И ты пытаешься её заполнить громкой музыкой, алкоголем и случайными телами. Но она, пустота, — она всё равно дышит тебе в затылок.

Они смотрели друг на друга несколько секунд — целую вечность. В магазине было так тихо, что Ева слышала, как тикают часы в виде кота.

— Ты смелая, — наконец сказал он. — Или дура.

— И то, и другое, — ответила Ева. — Теперь, если ты не хочешь читать книгу про тишину, просто уйди. Если хочешь — она вон там, на нижней полке. Зелёная. И она не про лю-

бовь. Она про то, как оставаться с самим собой, когда вокруг никого нет.

Он посмотрел в ту сторону, куда она указала, потом снова на неё.

— А если я захочу не книгу, а тебя? — спросил он, и в голосе не было вызова — скорее, усталая констатация факта. Как будто он знал ответ заранее и просто проверял, совпадёт ли.

— Тогда ты получишь отказ, — Ева сделала шаг назад, за стойку, восстанавливая дистанцию. — Я не продаю себя.

Матвей молчал. Потом медленно кивнул, развернулся, подошёл к нижней полке, взял зелёную книжку, открыл, закрыл, сунул под мышку.

— Сколько? — спросил он.

— Триста рублей, — ответила Ева.

Он достал из кармана джинсов бумажку — пять тысяч, положил на стойку.

— Сдачи не надо, — сказал он. — За кофе. И за то, что не побоялась.

Он пошёл к выходу. Колокольчик звякнул снова — на прощание.

— Матвей, — окликнула его Ева.

Он замер, не оборачиваясь.

— Тишину слушают не одни только уши. Её слушают вот здесь, — она прижала ладонь к груди, туда, где сердце. — Если дойдёшь до страницы сорок седьмой, поймёшь, о чём я.

Он вышел.

Ева осталась одна в пустом магазине, оперлась спиной о стеллаж, закрыла глаза и выдохнула.

— Дура, — прошептала она себе. — Какая же ты дура.

Часы показывали половину первого. До закрытия — пять часов. Пять часов, чтобы перестать думать о том, как он сказал «ты красивая». И о том, что даже его цинизм был красивым. И о том, что хуже всего — он прав. Она ему ничего не должна. И он ей — ничего.

Кроме, может быть, страницы сорок седьмой.

После его ухода магазин «Под стеклом» превратился в пустую декорацию.

Ева переставляла книги с места на место, протирала пыль с полок, которые протирала вчера, дважды пересчитала выручку — хотя посетителей почти не было. Зашли две пенсионерки, купили детективы. Зашёл парень с рюкзаком, полчасика листал комиксы, ничего не купил. Обычная суббота. Ничего необычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.